

Андрей Панченко

Цикл

БОЛОТНИК

Болотник

Болотник. Тайна болота

Болотник. Секретная служба

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

БОЛОТНИК
СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П16

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Издание подготовлено при участии Author Today

Панченко, Андрей Алексеевич

П16 Болотник : Болотник. Секретная служба : роман / Андрей Панченко. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-185695-3

Кирилл Найдёнов выжил, а один из его врагов повержен, но, как оказалось, он не единственный... Впереди еще много приключений, остались нереализованные планы и неразгаданные тайны. А главное, что он, попаданец из будущего, оказывается в специальной группе министра Гречко по поиску попаданца из будущего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-185695-3

© Андрей Панченко, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Уже две недели я лежу в больнице. И последнюю неделю — в знакомой мне по первому пробуждению в этом времени палате. До этого в реанимации лежал. Черепно-мозговая травма и большая потеря крови. Если бы не мой ангел-хранитель с автоматом в руке и лицом моего друга Андрея, лежал бы я не на мягкой кровати, а в холодной и сырой могиле. Да и всем, кто меня спас и вытащил, я теперь по гроб жизни обязан. А это очень много людей. Семён, который все сделал как надо, весь состав мобильного спецотряда КГБ из пятнадцати человек, пилот вертолета, что, рискуя разбить машину, посадил свой МИ-4 на берегу реки, ну и, конечно, операционная бригада Каменногорской больницы — они штопали меня почти шесть часов. Рана в бедро оказалась почти смертельной, бедренная артерия повреждена, и штатный санинструктор спасшего меня отряда до самой операционной вручную пережимал артерию своими огромными кулаками, воткнув их в низ моего живота. Голове тоже досталось сильнее,

чем я думал, ну, может, и на пользу ей пойдет, уж слишком много необдуманных решений я начал принимать в последнее время.

Семён успел. Подробности я не знаю, но Палыча с командой перехватили еще на выходе из тайги, а уже вечером того же дня аэропорт Каменногорска принял спецборт из Москвы. Отряд из офицеров спецназа, не задерживаясь ни на минуту, выдвинулся для задержания нарушителей границы. Ребятки, наверное, побили все рекорды по марш-броскам. Они с ходу вступили в бой с моими несостоявшимися убийцами. Того гада, что почти уже добил меня, срезал очередью из автомата не кто иной, как старший лейтенант Кирюшин Андрей, мой друг, а теперь и жутко секретный товарищ из КГБ. Второго удалось взять живым. Раненный мною китаец не смог оказать сопротивления, не очень-то повоюешь без одного, почти только что выбитого глаза. Всего одна дробинка, а столько негативных последствий для китайского бойца. Экспресс-допрос, и основная группа спецназа, оставив со мной и раненым китаецем санинструктора, скрылась в тайге. Удалось ли им взять остальных, так и осталось для меня тайной, но группа в Каменногорск не вернулась. По словам сотрудников КГБ, которые приходили опрашивать меня, у ребят все в порядке, раненых и пострадавших нет. Больше выудить у чекистов ничего не удалось, но и то хлеб, пусть ребята живут долго и счастливо, а брат мой Андрюха — пусть живет вечно.

Алёна почти не отходит от моей кровати. Она неделю провела под дверью реанимации, и даже вздорная и хамоватая медсестра Нинка вежливо и почтительно первой здоровается с ней, когда заступает на смену. Мне в палату несут всегда только самое лучшее и свежее, обход и раздача пищи тоже начинаются с моей палаты. Но это точно не из-за меня. Уважают тут мою жену, а я люблю ее безмерно. Ну как можно не уважать человека, который, почти не смыкая глаз несколько дней подряд, с готовностью брался помогать медперсоналу в любом деле, которое ей только было по силам. Подменить старую санитарку с разыгравшимся радикулитом и помыть за нее полы в коридоре, подежурить на посту, пока уставшая медсестра кемарит ночью на кушетке, помочь с раздачей пищи — она бралась за все. Говорит, так ей было легче отвлечься от тяжелых мыслей. Хотя пора бы ей уже привыкнуть. Не удастся мне последнее время без приключений обходиться.

За мои «подвиги» новый орден мне не дадут, и в Москву на торжественное награждение я не поеду. Афишировать на весь Союз такой прокол пограничников, которые входят в состав КГБ, никто не будет. Я подписал кучу расписок и сейчас даже не уверен, имею ли право хотя бы в своей голове вспоминать о том, что там было на самом деле. Но и без награды я не остался. Медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» торжественно повесил мне на больничную пижаму буквально вчера начальник област-

ного управления КГБ. Теперь у меня на груди несет службу солдат с автоматом ПППШ наперевес, стоящий у пограничного столба, а на заднем плане — горы. Красивая медалька, только вот не было там никаких гор, и столба не было, и ПППШ тоже (а он бы мне ух как пригодился). Я-то помню, хоть и в голову раненный. Тайга там была, а до границы, как до луны раком. Вот о тайге как раз вторая, обратная сторона медали напоминает, в нижней ее части по окружности расположены дубовые ветви, перевитые ленточкой. Удостоверение подписано какой-то невнятной подписью, с припиской «зам» перед должностью председателя комитета. Торопились ребята, кто-то по-быстрому подмахнул, не отвлекая большое начальство. Ну и ладно, и так сойдет. Номер на ксиве есть, печать тоже, дата награждения стоит. Пограничников я уважаю, и носить эту медаль для меня будет очень почетно. В свое время многие афганцы, представленные к «Отваге» или к «Звездочке», получили именно эту медаль ввиду отсутствия «свободных лимитов» на награждение. Как-то не густо, по сравнению с орденом за беглых зеков, конечно, тут вещи вообще несравнимые, но тогда нас с Семёном Палыч двигал. А в этот раз двинули его уже мы. Сёма так вообще грамоту только какую-то получил. Или благодарственное письмо? Хрен поймешь, на ней заголовка нет. На тему нашего с ним поступка даже статью в газете написали. Без особых подробностей было указано, что мы помогли погранични-

кам в задержании нарушителей государственной границы. И все.

Сегодня первый день, когда ко мне допустили других посетителей, кроме жены и мрачных мужичков в погонах.

— Тебя хоть из дома не выпускай. Человек-магнит какой-то. Все приключения собрал на свою задницу, что могли случиться в нашем районе, наверное, в ближайшие пятьдесят лет. Куда не пойдешь, там труп, беглые зеки, перестрелка или вообще — метеорит с неба свалится, — ругает меня дядя Миша. Он сейчас временно исполняет обязанности начальника охотхозяйства, пока Палыч под следствием. Вида, что чем-то недоволен, мой новый временный шеф не подает, хотя они и были вроде приятелями с Палычем. Даже первым в мою палату прорвался, типа навестить героя и поблагодарить от лица начальства.

— Не гунди, дядя Миша. И без тебя тошно, — я поморщился. Сам уже над этим думал не раз.

— Ладно, потом поговорим. Ты это, поправляйся, короче, — Конев чувствует себя в роли начальства еще неуверенно. Смущается и не знает, как себя вести.

— Поправлюсь, куда я денусь. Поздравляю, кстати, дядя Миша, с повышением.

— Да какое там повышение! С чем поздравлять? Я временно назначен. Бумажки же кому-то нужно подписывать. Сказали, что начальника нового уже подобрали, пока он к своим обязанностям не приступит, побуду, а потом дела ему

и сдам. Не мое это, — вздохнул Конев, — подосрал всем Палыч, конечно, знатно...

— Что-нибудь про него слышно?

— Нет. Говорят, в Москву увезли. Эх... Это все Каринка, сучка такая, его с панталыка сбила, — горюет дядя Миша по своему давнему товарищу, впрочем, судя по всему, ко мне у него претензий нет.

— А при чем тут его жена?

— Ну как при чем? Она же ссыльная была, в пятьдесят третьем только реабилитировали. Раньше под Владивостоком жила. Может, ты и не знал, но она наполовину китаянка. Мать у нее русская была, а вот отец китаец. И брат у нее когда-то был. Она говорила, что брат с отцом пропали без вести в тайге, но особо по ним не горевала почему-то. Думается мне, что они как раз в Китай и подались, а уж потом на Каринку как-то вышли. Палыч, конечно, мужик суровый, но жену свою любил очень сильно, иначе как «воробушком» ее и не называл никогда. А она не «воробушек», а самый настоящий «заё...шек»! На людях так чуть ли не тапочки, как собака, ему носила, но мы-то знали, как она им крутила, веревки из него вила. Никогда он поперек ее воли ничего не делал, — разоткровенничался дядя Миша.

— Да уж... Ну а с женой теперь что?

— Ее тоже забрали.

Мы помолчали, думая каждый о своем.

— Разберутся, я думаю. Не будем о грустном. Так чего там за нового начальника нам сватают? Ты в курсе?

— Никто не в курсе. Тайна, мать ее! Говорят, скоро представят начальство нам новое. Нет бы кого из своих назначить, так решили нам варяга какого-то сунуть. Чего теперь будет — хрен его знает.

— Ясно. Что там про меня в поселке говорят? Только честно, дядя Миша.

— Да чего только не говорят. Многим в свое время Палыч на хвост наступил. Они молчали все до поры до времени, а теперь голову подняли. Вот эти тебя хвалят. Ну а остальные... Остальные молчат пока. Все до сих пор в себя прийти не могут. Не ожидал такого никто от Палыча.

— Ну так Палыч не один был, с ним же еще четыре человека, приятелей его.

— Да какие они ему приятели, — морщится дядя Миша, — не думаю, что они добровольно с ним пошли. Мужики эти ему обязаны были сильно. Вот Фёдор, например, он ему денег был должен, много. Занимал в свое время на строительство дома для сына, а дом и сгорел, как только построили. И Павлуха его снова выручил. Или вот Максима взять. Палыч его от тюрьмы спас, человека он насмерть пару лет назад на мотоцикле сбил. Так вот Палыч как раз и с родственниками потерпевшего договорился, и в милиции хлопотал. Да и остальные тоже, кто чем, но все ему должны были. Жалко мужиков.

— Жалко... Реку-то открыли с болотом? Комиссия уехала?

— Реку до болота можно уже пользоваться. Толян, участковый наш, говорит, что комиссия

уехала и остальное должны к осени открыть. Да вот толку-то что, к осени этой? С рыбалкой в этом году мы пролетели.

Следующими меня посетили как раз мои друзья, Толик с Савельичем и Иванычем. Зашли сразу после Конева. Ждали, когда уйдет дядя Миша, чтобы без посторонних пообщаться.

— Андрюху я видел, но мы толком даже поговорить не смогли. Мы с Семёном их группу до кедровника сопровождали. Я думал, сдохну, когда туда шли. Бегут, как кони, и выносливые, как верблюды. Они все оружием и снарягой обвешаны, а я налегке, и то чуть не помер. При этом они, похоже, из-за нас с Семёй шаг свой сдерживали. И Андрюха с ними наравне пёр. Поздороваться только успели, да он мне сказал, что потом, мол, поговорим, ну и все, считай, — Толик рассказывает мне свою часть истории встречи со спецназом КГБ.

— Ну и я с ним тоже, считай, не увиделся. Не до разговоров мне было. Но Андрей обычно свое слово держит, а значит, будем надеяться, что скоро его увидим и поговорим.

— Когда Андрюха в контору подался, я думал, что хорошего из этого ничего не выйдет, а ты смотри, как оно все вышло... Правильно люди говорят — все, что ни делается, все к лучшему, — вступил в разговор Савельич.

— Лучше и не скажешь. Он мне жизнь спас, буквально в последнюю секунду успел.

— Завязывал бы ты, Кирилл, с тайгой этой. В депо возвращайся. Так ведь и погибнуть можно.

Сколько раз ты уже по краю ходил. О жене подумай, — у Иваныча своя, привычная песня.

— Не буду я про нее думать!

— Чего так?! Поссорились, что ли?!

— Я как про нее думать начинаю, так у меня потом мачта по полдня стоит, и одеяло на ней, как парус в штиль, болтается.

— Тьфу на тебя! Был дураком, так теперь ему последние мозги отбили! Я ему о серьезных вещах, а он мне в ответ ерунду всякую несет. Вот уйдет от тебя, такого дурного, Алёнка, вручную грести будешь!

— Вручную я не согласен, Иваныч, — смеюсь я в ответ. Ввести в смущение старого токаря очень просто. Быстро выходит из себя старче при таких откровенных шутках, но зато сразу забывает, о чем говорил до этого.

— Он себе тогда какой-нибудь моторчик изобретет, — ржет Толян.

— Хе-хе! Его не исправить, Иваныч, тут только можно подальше от него держаться или, наоборот, поближе. Он же из каждого своего приключения с прибытком выходит, так, глядишь, за пару лет и меня по наградам обгонит, — смеется Савельич. — Еще одну банду на своем огороде найдет, и готово.

— Ну, так снаряд в одну воронку не падает, новых бандитов точно не будет, — хохочет Толян.

— Эх, молодой. Еще как падает. И трижды, и пять раз может упасть. Мне ли не знать. Всю войну в артиллерии прошел, — вздыхает Савельич. —

Димка, командир мой, тоже такой шепутной был в молодости. Рисковать любил и взлетел высоко, только вот кончил плохо...

Ну что тут сказать? Человек стремится вверх, к вершинам. Когда у него все получается, он рвется еще больше вперед, мотивируется, а вот когда на его таком успешном и ровном до этого пути встречается, как ему кажется, непреодолимое препятствие, многие останавливаются или катятся вниз. Не каждый найдет в себе силу воли сдать чуть назад и обойти непробиваемую стену, что стала перед тобой. Я вспомнил своего старинного друга, оставшегося в прошлой жизни. Женька. Он падал и прогорал в бизнесе раз двадцать! Его искали и менты, и бандиты, он сидел в СИЗО, он много раз влетал в неподъемные долги, терял машины, квартиры и деньги, его избивали, покушались на его жизнь, от него ушли две жены — но каждый раз он возрождался к жизни, как птица Феникс, с новой идеей для бизнеса и непонятым для окружающих энтузиазмом. И он не остановился! Когда я попал сюда, Женьку уже по имени почти никто, кроме самых близких и старых друзей, не называл, для всех, и тем более для своих восьми сотен работников он был Евгений Кайратович, и никак иначе. Вот это сила воли! А Дима был слаб или просто растерял задор и утратил инициативу. Я надеюсь, со мной такого никогда не случится.

Наступил обед, и Алёна безжалостно прогнала моих друзей из палаты. Пора принимать пищу, а потом и на процедуры.

Лежа на больничной койке, было время подумать о жизни. Я чуть все не потерял. Какие-то пару месяцев, и я превратился в пироманьяка и убийцу. Взорвал древние артефакты, которые до меня стояли, наверное, тысячелетия, убил семь (даже в голове не укладывается цифра!) человек. Не скажу, что я сожалею о содеянном, все же мне пришлось защищать свою жизнь, но хорошего в произошедшем мало. Я превращаюсь в монстра. Да что там говорить, когда мне выпадает редкий шанс пожить беззаботно и тихо дома, я делаю все, чтобы вырваться обратно в тайгу или на болото! Мне нужен адреналин в крови. Это уже ненормально. Правильное название тому, что со мной происходит, — посттравматический синдром. Он проявляется по-разному, но иногда и так, как у меня. Человек попадает в травмирующую ситуацию с настолько ярким выбросом гормонов, настолько настоящую в сравнении с пресной мирной жизнью, с настолько экстраординарным опытом, что не может найти что-то до такой же степени подлинное в мирной жизни. Это адренолиновый эффект. Возникает он не у всех, а у тех, чей опыт был тяжелее опыта других, — участие в открытом ближнем бою, опасные ранения, реальная угроза для жизни. А потом человек не может найти в мирной жизни чего-то сравнимого. И он начинает ударяться в экстрим и теряет барьеры, совершает поступки, которые другому кажутся безумными. Делается все это для того, чтобы снова почувствовать тот гормональный адренолиновый